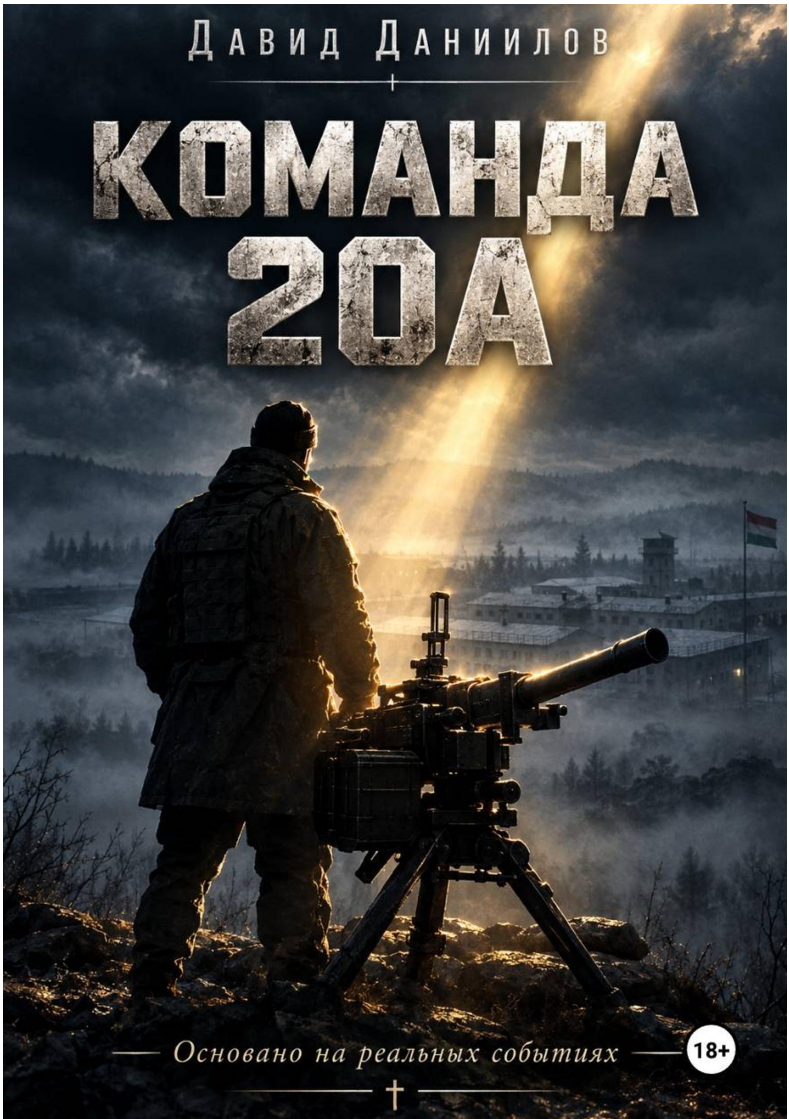
Давид Даниилов

КОМАНДА 20А

Основано на реальных событиях

18+

Давид Даниилов
Команда 20А

https://litres.ru/74726914
SelfPub; 2026

Аннотация

Октябрь 1985 года. Восемнадцатилетний парень вместо весеннего призыва попадает под осенний. На сборном пункте звучит зашифрованный код: «Команда 20А». Это значит — отправка за границу, в суровые реалии мотострелкового полка. Без подготовки — сразу в горнило жесткой армейской системы. Это глубокая автобиографическая хроника на грани психологической драмы. Изнанка советской армии показана без прикрас: жестокое национальное давление в батальоне, предательство тех, с кем делил хлеб, изнуряющий голод и ломающие волю испытания. Но среди мрака рождается нечто большее. Наедине со своими страхами, повернувшись к восходящему солнцу, старший наводчик АГС произносит отчаянную молитву: «Бог мой Господь, если Ты есть, яви Себя в моей жизни». Сможет ли человек пройти через эту яму небытия, выстоять один против толпы, сохранить принципы и найти истинную веру там, где, кажется, Бога нет?

Основано на реальных событиях.

Содержание

Предупреждение 5
Глава 1 6
Глава 2 24
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Давид Даниилов
Команда 20А

Предупреждение

Обратите внимание: Данное произведение основано на реальных событиях из истории жизни автора. В целях сохранения конфиденциальности некоторые имена героев, названия и отдельные элементы хроники событий были изменены, а любые совпадения с реально живущими или жившими людьми являются случайными.

Глава 1

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.» Ин. 1:5
Основано на реальных событиях
Давид Даниилов
«Команда 20А»

Вступление.
Пролог. Из горнила.

Каждую ночь, когда стрелки часов приближаются к этим цифрам, внутри меня что-то замирает. Прошли десятилетия, гражданская жизнь давно стерла из памяти многие лица и даты, но этот скрытый внутренний таймер армейской машины —— не остановить. В 21:50 рота новобранцев должна была выходить на вечернюю прогулку, чтобы чеканить шаг по плацу и петь песню – «Россия любимая моя…». В 22:00 объявлялся отбой. Две минуты до тишины. Две минуты, которые в восемнадцать лет могли стоить тебе здоровья или жизни.

Я пишу эту книгу для того, чтобы зафиксировать правду, о которой долго молчали. Моя история — это не парадный отчет о «славных годах службы» и не банальные армейские байки. Это хроника выживания. Самый настоящий со-

циально-психологический хоррор, развернувшийся посреди чистой, ухоженной страны в Европе в военном гарнизоне.

В октябре 1985 года безликий армейский код №20А вырвал меня из домашнего мира и без всякой подготовки бросил в пекло, где человеческая личность не считалась ничем. Нас, вчерашних школьников и студентов, ломали планомерно и жестоко, превращая в покорных, запуганных животных. Я прошел через всё: изнуряющий голод «духовского» периода до присяги, садизм прапорщиков с секундомерами над нашими тарелками, бытовое рабство, подлое предательство сверстников, жестокий прессинг этнических землячеств и кровавый боди-хоррор в полковой санчасти, где гнойную рану на моей ноге резали «по-живому», без единого кубика обезболивающего.

Обычно такие истории ломают людей навсегда, превращая их либо в жестоких зверей, либо в опустошенных циников. Но в моей хронике есть то, чего вы не найдете в других книгах про неуставщину в армии. В самый беспросветный, черный момент, когда мои физические и ментальные силы были исчерпаны до дна, в этот шеол вошел Бог.

Короткая, отчаянная молитва, произнесенная на рассвете лицом на восток: «Бог мой, Господи, если ты существуешь, то прояви Себя в моей жизни, помоги мне» — полностью

перекроила сценарий моей судьбы.

Сегодня я понимаю: Господь бросил меня в этот безжалостный жернов страданий и горнило испытаний не для того, чтобы уничтожить. Это было Божье пекло, призванное выжечь всё лишнее и изменить меня, сделав мою душу похожей на Самого Христа, который точно так же безвинно и сильно страдал за каждого из нас. Армия дрессировала меня как зверя, но благодаря вере я сыграл в эту игру по своим правилам. Я отстоял свою честь и достоинство, сохранил разум и остался человеком.

Эта книга — о том, как не сломаться, когда против тебя оборачивается весь мир. Добро пожаловать в «Команду 20А».

Отложенная осень.

Я должен был уйти в армию весной. Настраивался на май 1985-го: мысленно прощался с друзьями, перебирал в голове планы и готовился отдать эти два года побыстрее, чтобы вернуться к нормальной жизни. Но армейская машина распорядилась иначе. Май прошел, за ним пролетело лето, а повестки всё не было. Этот перенос на осень принес глухое, тягучее разочарование. Сложнее всего было сидеть на чемоданах — ты вроде бы еще на гражданке, но мысли и жизнь уже поставлены на паузу.

Определенность наступила только в октябре. В повестке стояла четкая дата — явиться 23-го октября.

Утро этого дня врезалось в память прохладой и суматохой. Сборный пункт, прощание с близкими, и вот нас уже везут в столицу нашей республики. Именно там, на главном распределительном пункте, я впервые почувствовал, что больше не принадлежу сам себе. В городском военкомате мне определили команду. Тогда эти цифры и буквы ничего мне не говорили, но позже я узнал их истинное значение. Код этот означал отправку за границу, причём сразу, без каких-либо компромиссов. Никаких учебных частей на родине, никаких привычных школ молодого бойца, где можно было бы хоть немного адаптироваться к сапогам и уставу в знакомых краях. Нас ждал прыжок в неизвестность без раскачки.

После того как мы двое суток перекантовались на распределителе, за нами наконец пришли «покупатели». Нас вызвали по фамилиям, построили и в наступающих сумерках повели на железнодорожный вокзал.

Поезд тронулся, увозя нас на запад. Мы ехали, кажется, меньше суток — время в те дни тянулось странно, мешаясь с тревогой и стуком колес. Пыльный перрон встретил нас в го-

роде на Волге. Нас привезли в местное высшее военное училище. Здесь, в курсантской столовой и коридорах, я впервые вплотную столкнулся с бытом тех, кто уже служил. Оказалось, у курсантов всё точно так же распределялось по сроку службы. Именно в этом городе я впервые почувствовал этот удушливый, зловещий запах дедовщины армии.

Меня поразило то, насколько бесправно, с каким-то демоническим пренебрежением старослужащие относились к тем, кто только-только пришел. Никакого сострадания. Вокруг разливались только жестокость, злость и тупая, немотивированная ненависть. Атмосфера была невероятно унылой, давящей, она буквально высасывала из тебя все силы.

Именно в этом училище и закончилась моя гражданская жизнь. Нас загнали на переодевание, выдали военные шинели, одинаковые серые зимние шапки, сапоги и п/ш. Без погон, без петлиц, без каких-либо знаков различия — нас превратили в безликую, однородную массу. Командиры презрительно обозвали нас «архаровцами». Из зеркала на меня смотрел чужой, безликий зелёный силуэт.

Следующим этапом была ночь. Нас привезли на огромный военный аэродром. Помню этот глухой ночной полумрак, рев двигателей и силуэт самолета Ту-134, который ждал на взлетной полосе. Нас загрузили в салон. Нам раздали рюкза-

ки-вещмешки, внутри которых лежали сухие пайки.

Куда мы летим? Зачем? Никто ничего не говорил, никто не считал нужным объяснять что-то безмолвным «архаровцам». Самолет оторвался от полосы и взял курс в ночное небо. Прямо там, в летящем самолете, при тусклом свете плафонов, мы открыли свои первые сухпаи и начали жадно есть. Вокруг стоял гул моторов, в иллюминаторах была сплошная темень, а мы сидели, жевали этот армейский хлеб - галеты с тушенкой и понимали: обратного пути нет. Мы летели навстречу неизвестности.

Ночной перрон.

Самолет приземлился так же глухо и незаметно, как и взлетел. За иллюминаторами стояла плотная, чужая ночь.

Рев двигателей наконец смолк, сменившись тяжелым шипением тормозов и щелканьем замков. Раздалась резкая команда – «на выход, строиться». Мы начали медленно спускаться по железному трапу вниз, на темный бетон военного аэродрома. Ночной воздух группы войск встретил нас прохладой и запахом авиационного керосина. Нас, сонных и дезориентированных после перелета, офицеры торопливо строили в шеренги прямо у самолета, чтобы поскорее повести к ждущим в отдалении тентам грузовых машин.

Из-за кромешной тьмы в далеке не сразу заметил то, что происходило совсем рядом, буквально в паре сотен метров от нашего строя. Там, за невысоким ограждением, стояла огромная толпа солдат. Это были они — «демобы», «квартиранты», отслужившие свои два года от звонка до звонка и теперь дождавшиеся этого самого борта, чтобы навсегда улететь обратно в Союз.

Они были невероятно, дико возбуждены. Эта толпа буквально бурлила и кипела в ночи от скорого предчувствия свободы. И как только наши цепочки новобранцев потянулись мимо них, этот живой массив сорвался на яростный, оглушительный крик. — «Вешайтесь, духи! Вешайтесь!» — летело со всех сторон в нашу безмолвную зеленую колонну.

В темноте я увидел, как сотни рук взметнулись вверх. Они

держали свои армейские брючные ремни и исступленно, с какой-то бешеной, зловещей радостью махали ими над головами, рассекая ночной воздух. Пряжки тускло поблескивали в свете аэродромных прожекторов. Этот хоровой рев улетающих демоб и свист ремней в темноте казались каким-то диким, демоническим ритуалом.

В этот момент на меня нахлынул настоящий, неописуемый ужас. Вся та гражданская броня, которая еще как-то держалась внутри, окончательно рухнула. Я физически ощутил, куда именно я попал и какая безжалостная, темная бездна ждет меня впереди в этих казармах. Нас вели к машинам, а вслед нам продолжало лететь это страшное, намертво врезавшееся в память: «Вешайтесь...».

Нас, домашних пацанов, погрузили в кузова. Всё это время, сколько я себя помню на том этапе, нас везли исключительно ночью. Плотный брезент тента отрезал нас от внешнего мира, колеса монотонно гудели по асфальту, а мы сидели в темноте, прижавшись друг к другу плечами, и молчали. Каждому из нас было всего восемнадцать — возраст, когда ты еще толком не видел жизни, но уже заброшен Бог знает куда.

Наконец машины остановились. Нас привезли на какой-то совершенно неизвестный, чужой сборный пункт для новобранцев. Из темноты кузова полетели резкие команды на выход. Мы поспешно спешились с машин на холодный плац, где нас снова, в который уже раз, выстроили в шеренги.

Началась бесконечная, занудная проверка по спискам. Офицеры и сержанты монотонно, по слогам выкрикивали фамилии, проверяя, все ли на месте. Со стороны это выглядело абсурдно и даже смешно: ну куда мы могли сбежать? Чужая, незнакомая страна, глухая заграничная ночь, вокруг иностранная речь — бежать было просто физически некуда. Но армейская машина тупо и механически следовала своим параграфам.

И вот мы стоим глубокой ночью под этим черным мадьярским небом, продрогшие, испуганные, бесконечно слушаю-

щие свои фамилии. И вдруг сквозь этот монотонный строй и гнетущую тишину пробился совершенно чуждый, невероятный для этого места звук. Неподалеку я увидел одного «квартиранта» — расслабленного, вальяжного демобу, которому было глубоко плевать на всю эту суету вокруг новобранцев. В руках он держал маленький заграничный транзисторный радиоприемник. Из его хрипящего динамика на весь плац модно, дерзко и свободно звучал голос группы Foreigner - „I Want to Know What Love Is“. Этот стильный западный ритм, доносившийся из радио, казался абсолютным сюрреализмом. В этой свинцовой темноте песня звучала как весточка из другого, навсегда потерянного мира. Тягучие, почти космические синтезаторные аккорды плавно разрезали ночной воздух, а затем вступил глубокий, душу разрывающий вокал Лу Грэмма. Перевод не требовался — музыка говорила сама за себя. Каждое слово, каждый удар ритма дышали щемящей тоской, надеждой и отчаянным криком обо всем том теплом, родном и мирном, что мы оставили там, за воротами призывного пункта.

Контраст был просто оглушительным, до мурашек по коже. Вокруг нас разворачивалась жесткая, безжалостная машина, готовая перемолоть любого, а из радиоприемника, эхом отражаясь от кирпичных стен казармы, летел этот мощный, взлетающий в самое небо припев, умоляющий показать, что такое любовь. В тот момент, стоя на холодном плацу, я физически ощутил, как эта песня на мгновение укрыла нас от надвигающегося мрака, став последним мостиком к прежней жизни...

Наконец ночная тьма начала медленно редеть, уступая место серому, прохладному утру. Мы дождались рассвета, стоя всё на том же плацу сборного пункта. Как только окончательно развиднелось, нас снова построили в шеренги и в который уже раз принялись проверять по спискам. Армейская бюро-

кратия не утихала ни на минуту. После переклички прозвучала команда выдвигаться.

Нас повели на местную железнодорожную станцию. Мы замерли на перроне в ожидании гражданского пассажирского поезда. Контраст с нашими серыми, безликими шинелями без погон был разительным: чистая, ухоженная европейская станция, аккуратный состав. Когда вагоны подошли, нас быстро завели внутрь и расселили по местам. Поезд тронулся.

Именно в эти минуты, глядя в чистые вагонные окна, я впервые в своей жизни вживую увидел — местных жителей. Они ехали по своим делам, заходили на станциях, переговаривались на своем странном, резком языке. Я помню то отчетливое, щемящее чувство, которое охватило меня в тот момент. Я изо всех сил стремился не встречаться с ними глазами. Стоило кому-то из них посмотреть в сторону нашего присутствия, как я тут же отводил взгляд. Внутри меня жило твердое, ясное осознание: я здесь незваный гость.

Пропаганда могла говорить что угодно о «братской помощи» и «социалистическом лагере», но моя интуиция и совесть в восемнадцать лет говорили об обратном. Это была их земля, их дома и их родина, а мы были чужаками в зеленой форме, которых привезли сюда силой приказа и оружия. От

этого осознания на душу ложился еще более тяжелый, свинцовый груз. Поезд вез нас дальше, вглубь страны, к нашему главному пункту назначения.

Наш поезд шел на Будапешт. Всё то время, пока мы были в пути, я буквально прильнул к окну вагона, боясь упустить хоть одну деталь. Для меня, парня из деревенской глубинки, эта страна открывалась заново. Я жадно, с огромным, почти детским интересом всматривался в людей: как они выглядят, во что они одеты, как легко и непринужденно общаются между собой. Это было настоящее открытие — другой мир, другая культура, совершенно иной ритм жизни, за которыми я наблюдал из-за окна вагона.

Когда поезд прибыл в столицу, нас построили и повели через огромный железнодорожный вокзал Будапешта. Вокруг кипела чужая, яркая столичная жизнь, а мы шли унылой зеленой коробкой, чеканя шаг по перрону.

Я вертел головой, разглядывая привокзальные киоски и витрины магазинов. И вот тут меня ждало самое настоящее открытие, которое буквально не укладывалось в голове советского человека. В обычных, рядовых киосках на вокзале совершенно свободно, без всяких очередей и дефицита, продавали баночную «Кока-Колу» и «Пепси»! Для нас эти яркие логотипы были символами далекой, почти мифической западной жизни, чем-то праздничным и недостижимым. А

здесь люди просто покупали их на ходу, как обычную воду.

Этот контраст был оглушающим: сияющие витрины с капиталистической газировкой, свободные, стильные европейцы и мы — восемнадцати летние пацаны в одинаковых п/ш и тяжелых сапогах, в которых безликая 20А, шла мимо всей этой красоты прямо в казарменные жернова воинской части. Свободный Будапешт остался за окнами, а наш путь лежал дальше — туда, где вместо «Кока-Колы» нас ждали пятиминутные обеды под присмотром прапорщика сверхсрочника...

Но пока... КамАЗы где-то задерживались, и мы довольно долго стояли прямо на втором этаже, железнодорожном вокзале столицы, ожидая погрузки. Вот там я впервые и впитал в себя дух этой совершенно другой, заграничной жизни. Вокруг нас кипел огромный, людской муравейник. Народу было невероятно много, вокзальная площадь гудела сотнями голосов, а транспорт шел сплошным потоком — повсюду сновали непривычные глазу автобусы, машины.Мы стояли и смотрели на всю эту суету как бы со стороны, жадно разглядывая детали. Для нас, советских пацанов, это был культурный шок. Мимо нас шуршали невиданные щегольские иномарки — сверкающие лаком Мерседесы, стремительные БМВ и прочие роскошные авто. Величественно как лайнеры, тяжело дыша, разворачивались огромные двухэтажные автобусы. Город дышал свободой, запахом хорошего кофе, незнакомого парфюма и бензина.Но больше всего, конеч-

но, притягивали взгляд девчонки в этой толпе. Модные, яркие, абсолютно не похожие на наших гражданских знакомых. Они шли по перрону и площади с распущенными длинными волосами, в невероятно стильных, обтягивающих фигуру джинсах и длинных сапогах. Настоящие европейские красавицы. Заметив наши притихшие, стриженые головы и казенные шинели, они вдруг оборачивались, улыбались и приветливо махали нам руками. На мгновение вся армейская серость, страх перед неизвестностью и жесткие рамки просто испарялись. Мы, позабыв обо всех запретах, расплывались в ответных улыбках и отчаянно махали им в ответ. Это был короткий, но такой пронзительный момент: они — там, в своей свободной, красивой жизни, и мы — здесь, зажатые в тиски приказа, но всё еще молодые, живые пацаны, которым просто помахали девчонки.

Мы вышли из бурлящего вокзала на привокзальную площадь, где нас уже ждала колонна армейских тентованных КамАЗов. Запрыгнув в кузова под брезент, мы покинули сияющую витринами столицу.

Везли нас, как я потом понял, в Секеш — город, где находилось высшее командование всей нашей армейской группировки. Если Будапешт был витриной мирной заграничной жизни, то Секеш встретил нас строгими военными блокпостами и монументальными советскими гарнизонами. Это был главный распределительный узел, сердце военной машины группы войск.

Нас выгрузили на огромном плацу, и здесь нас снова ждал очередной круг армейской логистики — новые «покупатели». Офицеры и сержанты из разных полков и дивизионов ходили между нашими шеренгами, вчитывались в личные дела и придирчиво разглядывали нас, оценивая, кто пойдет в танковые экипажи, кто в пехоту, а кто — в связь. Мы стояли на этом плацу Секеш, как живой товар, ожидая своей окончательной участи. Именно здесь решилось, что мой путь лежит в гвардейский мотострелковый полк.

Нас разместили на территории этой огромной части, прямо внутри летнего кинотеатра под открытым небом. Стояло удивительное, мягкое тепло — совсем не такое, как на моей

прохладной родине. Я сидел на лавке, растерянный, уставший от бесконечной дороги, и просто смотрел по сторонам, пытаясь перевести дух.

И вдруг сквозь ряды новобранцев ко мне целенаправленно направились двое. По их строгому, цепкому виду и манере держаться сразу было понятно: это непростые «покупатели». Не из тех, кто набирает парней махать лопатами или крутить гайки. Они подошли вплотную, заглянули в мои документы и в лоб спросили: — Какое образование? Как со знанием английского языка? В школе у меня по английскому была твердая четверка. База была, и на самом деле мне нужно было, не задумываясь, жестко и уверенно соврать: «Да, знаю английский! Свободно!». Офицерам штаба или спецсвязи позарез нужны были парни с языком — это был мой золотой билет, шанс остаться при штабе армии, в чистых кабинетах, подальше от казарменного ужаса и полигонной грязи.

Но в тот момент я дико затормозил. Навалился весь этот стресс последних дней, ночной кошмар на аэродроме, унылый дух дедовщины... На секунду я замялся, засомневался в своих силах и ответил тихо, что знаю язык слабо.

Офицеры переглянулись, сделали пометку в блокноте и молча пошли дальше. Мой шанс на легкую и безопасную

службу испарился за одно мгновение. Это минутное замешательство, эта робкая честность восемнадцатилетнего пацана полностью перекроили мою судьбу. Если бы я тогда ответил иначе, я бы никогда не узнал, что такое АГС или катушка с кабелем. Но армейская машина сделала свой выбор: меня вычеркнули из штабных списков и отправили в самый жесткий линейный полк. Мой путь лежал в пехоту.

Глава 2

Хорошие учителя.

После того разговора в летнем кинотеатре группы войск, ряды новобранцев вокруг меня быстро поредели — парней разбирали одного за другим. В конце концов нас осталось всего трое. Нас вывели за ворота части, погрузили и снова повели на железнодорожный вокзал «Секеша», как солдаты коротко называли этот город.

И снова — ночь. Снова полная неизвестность под черным октябрьским небом. Мы сидели в вагоне, уставшие, выпотрошенные этой бесконечной дорогой, и понятия не имели, куда нас везут на этот раз и где будет наш финальный причал. Вместе с нами в качестве сопровождающего ехал сержант. Он отслужил всего полгода — по армейским меркам еще совсем молодой призыв, но выглядел он страшно. Вид у него был абсолютно удручающий: осунувшееся лицо, тусклый взгляд, серые от изможденья круги под глазами. Было видно, что эта система уже успела пропустить его через свои жернова.

В какой-то момент, когда поезд мерно постукивал на стыках, я со страхом и удивлением заметил, что этот сержант... спит. Он стоял, покачиваясь в такт движению вагона, держался за поручень и спал с закрытыми глазами, не падая. Для меня, молодого парня, это выглядело чем-то запредельным,

за гранью человеческих возможностей.

Я не выдержал, тихо подошел к нему и спросил: — «Сержант... как ты это делаешь? Как можно спать стоя?» Он медленно приоткрыл свои воспаленные глаза, посмотрел на меня с тяжелой, горькой усмешкой старожила и тихо, но отчетливо ответил: — «Тут всему научат, учителя здесь очень хорошие, даже не сомневайся...» В его голосе не было злости — только бесконечная, свинцовая усталость человека, который уже узнал цену армейской «науки». От этих его слов по спине пробежал холодок. Ночной поезд уносил нас троих всё дальше во тьму, а фраза сержанта про «хороших учителей» набатом стучала в моих ушах. Очень скоро мне пришлось убедиться на собственной шкуре, насколько страшную правду он тогда сказал.

Поезд мерно стучал колесами, унося нас троих вглубь чужой ночной мглы. Время от времени состав замедлял ход и останавливался на замерших железнодорожных станциях. За окнами вагона царила плотная тьма, сквозь которую пробивались лишь тусклые привокзальные огни. И каждый раз в этой ночной тишине раздавался громкий, металлический голос диктора из привокзальных репродукторов. Он объявлял названия остановок на мадьярском языке: резкие, незнакомые, гортанные звуки, складывающиеся в чужие слова. Я сидел, вслушивался в эту непонятную речь, и внутри нарастало щемящее чувство — пути назад нет, дом остался за тысячи километров.

Наконец поезд прибыл в пункт назначения. Мы высадились из вагона прямо в промозглую ночную сырость. Нас вел офицер. Свистящий осенний ветер гнал по перрону густой, серый туман. Мы шли безмолвным строем через эту пелену, пока перед нами не выросли глухие очертания КПП воинской части. Шаг за шагом, чеканя подошвами по земле, мы перешли эту невидимую черту. Нас привели в расположение мотострелкового полка.

Первое, что поразило меня на территории гарнизона, когда туман немного рассеялся — это дороги. Все проезды между монументальными старинными казармами были идеально, аккуратно заасфальтированы. У себя на родине, я такого не видел: асфальт лежал ровно, без единой выбоины, и в свете редких фонарей блестел от влаги, словно гладкое,

темное стекло.

Но стоило мне переступить порог самой казармы и подняться по массивной лестнице на второй этаж, как внешняя европейская эстетика мгновенно испарилась. Меня буквально ударил в нос густой, тяжелый, ни на что не похожий запах. Это был запах горящих угольных брикетов. Как оказалось, никакого центрального отопления в этих огромных старых зданиях австро-венгерской эпохи не было — казармы отапливались прессованными брикетами. Из-за этого внутри помещений всегда стояла специфическая, въедливая сырость, которая пропитывала обмундирование и матрасы. Этот запах угля и вечная, пробирающая до костей промозглость стали первыми настоящими хозяевами, которые встретили меня в моем новом армейском доме.

Нас привели в расположение самой обычной мотострелковой роты. Командовал процессом замкомвзвода — старший сержант, лица и фамилии которого я уже не помню, но его железная строгость сразу дала нам понять: шутки кончились. Он не говорил, а чеканил приказы, не терпящие возражений.

Нам быстро указали на наши койки. Первым делом заставили закрепить вещмешки под кроватями — всё строго по линейке. Затем нас погнали в туалет и умывальник: наскоро смыть с себя дорожную пыль и грязь, ополоснуться холодной водой. Вернувшись в расположение, под бдительным взглядом замкомвзвода мы принялись осваивать первый армей-

ский ритуал — аккуратно, до миллиметра, складывать форму на табуретки перед сном. Брюки, китель, ремень и сапоги — всё должно было лежать идеальным, безжизненным кубиком. Наконец прозвучала команда отбой, и нас уложили спать.

Казарма погрузилась в темноту, горел только синий ночник, помещение было наполнено тяжелым дыханием спящих солдат и запахом остывающего угля. Мы хотели есть — ведь дорожные сухпайки давно растаяли, а до полноценного армейского довольствия было еще далеко. Живот начал революцию. И тут я вспомнил, что на самом дне моего вещмешка, там, под кроватью, остался заначенный кусок сахара-рафинад.

Глубокой ночью, стараясь не скрипеть пружинами, я осторожно сполз, запустил руку в мешок и нащупал этот заветный кубик. Залез обратно под одеяло с головой и начал тихонько, прячась от сержантских глаз, грызть его в темноте. Сладкий сок приятно обжег язык. Вдруг одеяло на соседней койке зашевелилось, и мой сосед по кровати — такой же перепуганный новобранец — зашептал в темноту: — Слышь, ты чего там грызёшь? — Сахар, — тихо выдохнул я.

— Дай мне тоже... Жрать охота — сил нет.

Я протянул ему руку под кроватью. И вот мы лежим в этой сырой казарме, укрывшись с головой армейскими одеялами, и на пару грызем этот сахар, боясь издать лишний звук. Сейчас, спустя годы, вспоминать это и смешно, и щемит в груди.

Это была моя первая ночь на казенной, липучей от сырости койке, и этот разделенный по-братски пополам кусок сахара стал моим первым шагом к выживанию.

Утро обрушилось на нас вместе с диким, оглушительным криком: «Рота, подъём!». Вчерашний гражданский сон мгновенно испарился. Мы судорожно повскакали со своих коек, путаясь в непривычной одежде, и принялись натягивать форму.

Нас по-прежнему презрительно именовали «архаровцами». Сержанты сразу и доходчиво объяснили нам наши негласные перспективы: — Вы пока никто, звать вас никак, и даже до «духов» вы ещё не доросли! Вот примите присягу в декабре под полковым знаменем — тогда и станете официальными «духами». А пока — шевелись, архаровцы! Присяга предстояла только через полтора месяца, а суровые армейские будни начались прямо сейчас. В первое же утро нам выдали наши первые знаки отличия — с большими буквами СА и петлицы. Нам раздали комплект для подшивания и заставили пришивать их к форме. Это был труд для непривычных рук. Материал новой шинели и зимнего п/ш был настолько тугим, толстым и дубовым, что иголка просто не шла, гнулась и ломала ушки. Я до крови стер пальцы, проталкивая стальное ушко сквозь плотное сукно, добиваясь, чтобы погон лежал ровно, по ниточке.

Следом пошла наука ухода за обувью. Сержанты брезгливо осмотрели наши пыльные после дороги яловые сапоги и

выдали короткий, емкий приказ, который на ближайшие два года стал для меня законом: — Сапоги у солдата должны блестеть так, чтобы на них смотреть было можно как в зеркало! Чтобы как у кота яйца сверкали! Трите, пока отражение свое не увидите! И мы терли. Долго, до изнеможения, щетками и гуталином, наводя этот безумный, зеркальный армейский блеск на грубую кожу. Нас планомерно, с самого утра загоняли в жесткие рамки устава и дедовщины, выбивая из нас малейшие воспоминания о доме. Начинался наш первый полноценный день в части.

Каждое моё армейское утро в казарме теперь начиналось по одному и тому же безжалостному, заведенному часовому механизму. Секунда в секунду.

Сразу после «Подъёма» нас вышвыривало на плац — начиналась утренняя зарядка. Никого не волновало, выспался ты или нет, сводит ли живот от голода. Помню в первое время, после отбоя – прежде чем голова достигала до подушки, я засыпал… и… через секунду слышал: «Рота подъем!». И не мог вспомнить – спал я или не спал... Итак. Нас гнали на бег. Километр за километром мы мотали круги по этому гладкому, как стекло, асфальту, задыхаясь в сыром тумане. Следом шел спортинвентарь: нас гнали к турникам и брусьям. Мы обязаны были крутиться на перекладинах, подтягиваться, пока мышцы не начинали гореть огнем, а ладони не превращались в сплошные мозоли.

После этого нам давали считанные минуты на то, чтобы

вернуться в казарму и заправить постели. И это была отдельная загогулина. Одеяло должно было лежать так, чтобы на нем не было ни единой складочки, а полосы шли строго по одной линии через весь проход — натянуть, отбить кантик, выровнять по ниточке. Пальцы после турников дрожат, сорванная кожа болит, но ты трешь и ровняешь, потому что за малейший перекос сержант перевернет кровать, и ты будешь начинать всё заново. А отбиться и одеться за сорок пять секунд – была уже отдельная дрессировка. Быстрое, судорожное умывание холодной водой — и вот мы уже стоим в монолитном строю, готовые двигаться по режиму: завтрак, обед, ужин.

И именно в столовой нас ждал главный кошмар этого гарнизона. Командовал там старшина — прапорщик, которого вся рота боялась больше раненого медведя.

Когда я впервые встретился с ним взглядом, у меня внутри всё похолодело. Это был не просто строгий, сухой служака, это был настоящий, чистокровный садист, упивавшийся своей безграничной властью над бесправными пацанами. Его лицо казалось каменным, но самое страшное — это его глаза. Злющие, хищные, абсолютно нелюдимые. Это были глаза дикого тигра, который смотрит на жертву перед прыжком. В них не было и намека на то, что перед ним стоят живые люди — для него мы были просто безликой массой, мясом, которое нужно выдрессировать и подчинить. Без вины виноватые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.